

СЪВЕРНАЯ ПЧЕЛА.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1854 ГОДЪ:
За годовое издание, въ С. Петербургъ безъ доставки 12 р. сер.
съ доставкой 15 »
въ пересылку въ города 16 »
Полугодовая цена въ С. Петербургъ, съ 1-го Июля
1854 г. по 1-е Января 1855 г., безъ доставки 7 »
съ доставкой 8 » 50 к.
въ пересылку 9 р. сер.

**ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И
ЛИТЕРАТУРНАЯ.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:
въ С. Петербургъ: въ Конторѣ Редакціи Свѣрной Пчелы, на Мойкѣ, подлѣ Почтамтскаго Мостика, въ домѣ Д. Ст. Сов. Греча, № 83-й, и въ книжныхъ магазинахъ: Г. Ратькова (на Невскомъ Проспектѣ, на углу Малай Морской, въ д. Бейльштейна) и Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ, № 24-й); въ Москвѣ: въ книжн. лавк. Свѣшниковъ (на Никольской Улицѣ, № № 4-й и 5-й), и у И. В. Базунова (на углу Большой Дмитровки, въ д. Загряжскаго).—Иногородные благоволятъ адресоваться прямо въ Контору Редакціи.

Выходить ежедневно,
кроме дней праздничныхъ и воскресныхъ.

№ 206.

СРЕДА, 15-го СЕНТЯБРЯ.

1854.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ, 14-го Сентября.

Высочайшимъ Приказомъ, по Военному Ведомству, 11-го Сентября, исправляющей должность Начальника Штаба Инженеровъ Дѣйствующей Арміи, Генералъ-Маіоръ Ковалевскій 1-й, утвержденъ Начальникомъ Штаба Инженеровъ Дѣйствующей Арміи. — Исключены изъ списковъ: Драгунскихъ Полковъ: Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго, убитые въ сраженіи противъ Турокъ, Поручикъ Грушецкій и Прапорщикъ фонъ-Ленингъ-офъ-Менаръ 3-й, и Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго, умершій отъ полученныхъ въ сраженіи противъ Турокъ ранъ, Штабсъ-Капитанъ Григорьевъ.

Высочайшимъ Приказомъ, 12-го Сентября, Государь Императоръ объявляетъ Высочайшее благоволеніе: Свѣты Его Величества Генералъ-Маіору Аппенкову 5-му и Флигель-Адъютанту, Лейбъ-Гвардіи Сапернаго Баталіона Капитану Дему, за отличное исполненіе возложенныхъ на нихъ порученій. — Исключены изъ списковъ умершіе: Александровскаго Егерскаго Полка: Подполковникъ Науменко 2-й, Капитанъ Чуйковъ, Штабсъ-

Капитаны: Шаповаловъ и Барановъ, отъ полученныхъ въ сраженіяхъ противъ Турокъ ранъ.

— Въ дополненіи къ Высочайшему Приказу, по Военному Ведомству, отданному 4-го Сентября, изображено: Государь Императоръ, осмотрѣвъ сего числа предъ выступленіемъ въ походъ, изъ г. Гатчины, Лейбъ-Гвардіи Егерскій Полкъ, съ принадлежащимъ ему обозомъ, изволилъ найти оный въ отличномъ порядкѣ и совершенномъ устройствѣ.

— Въ дополненіи къ Высочайшему Приказу, по Военному Ведомству, отданному 6-го Сентября, изображено: Государь Императоръ, осмотрѣвъ сего числа въ г. Гатчинѣ выступившую въ походъ Лейбъ-Гвардію 1-ю Артиллерійскую Бригаду, изволилъ найти оную въ отличномъ во всехъ отношеніяхъ порядкѣ и устройствѣ.

— Въ дополненіи къ Высочайшему Приказу, по Военному Ведомству, отданному 11-го Сентября, изображено: Государь Императоръ, осмотрѣвъ сего числа въ Гатчинѣ выступившій въ походъ Лейбъ-Гвардіи Саперный Баталіонъ, съ принадлежащимъ оному обозомъ, изволилъ найти баталіонъ сей и обозъ въ отличномъ порядкѣ и совершенномъ устройствѣ.

— Высочайшими Именными Указами, данными

Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, Всемилостивѣе пожалованы кавалерами: ордена Св. Георгія 4-й степени, 1854 года Сентября въ 3-й день, по удостоенію Кавалерскаго Думы Военнаго Ордена, въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ настоящую войну съ Турками, при осадѣ крепости Силистріи: состоящій по Сапернымъ Баталіонамъ Подполковникъ Францъ Тотлебенъ, который, заведывая частію осадныхъ работъ въ продолженіе четырехъ недѣль, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ устроилъ мину въ эскарпѣ, дѣйствіемъ коей образовалъ обвалъ, и Полевой Инженеръ-Капитанъ Германъ Фолькмутъ, который устроилъ ложементъ въ воронкѣ, образованной взрывомъ въ главномъ валѣ Арабскаго форта, причѣмъ раненъ пулею въ бокъ. — Ордена Св. Владимира 4-й степени, съ бантомъ, 1854 года Июля въ 1-й день, въ воздаяніе за отличное мужество и храбрость, оказанныя 8-го Мая сего года, при отраженіи покушенія непріятельскихъ судовъ на берега Финляндіи, близъ города Экнеса, Штабсъ-Капитанъ Гренадерскаго Стрѣлковаго Баталіона фонъ-Эссекъ. — Июля въ 3-й день, въ воздаяніе за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлѣ съ Турками въ настоящемъ году при крепости Силистріи, и согласно опре-

ПЧЕЛКА.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ СЪВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ.

Владѣвъ за письмомъ Барона Розена *О странномъ положеніи авторства*, я получилъ письмо отъ почтеннаго и достойнаго біографа Моцартова, Г. Улыбышева. Я не осмѣлился бы упомянуть о немъ, если бы гласность, приданная письму Барона Розена, не поставила меня въ необходимость оправдать себя нѣкоторымъ образомъ предъ читателями, и доказать, по возможности, что высокое мнѣніе, высказанное мною на счетъ дарованія М. И. Глинки, разделяють со мною люди свѣдущіе и совершенно спеціальныя по музыкальной части. При этихъ обстоятельствахъ, письмо Г. Улыбышева для меня сушій кладъ, и я воспользуюсь имъ для того, чтобъ разрушить до основанія сомнѣніе Барона Розена. Прочитавъ отзывъ Г. Улыбышева о талантѣ М. И. Глинки, не трудно будетъ отвѣчать на восклицаніе Барона Розена, когда онъ такъ трогательно спрашиваетъ: *воспользовался ли композиторъ своимъ поэтическимъ, чѣмъ осмыслилъ его текстъ?*

Г. Улыбышевъ пишетъ мнѣ, что, по довольно странному случаю, онъ прочелъ первую мою статью о художественной дѣятельности М. И. Глинки въ тотъ самый день, какъ онъ также написалъ нѣсколько словъ о *Жизни за Царя*. Препровождая ко мнѣ краткую выписку изъ одной главы, принадлежащей къ новому, неизданному еще сочиненію подъ любопытнымъ названіемъ *Бетховенъ и его толкователи* (Beethoven et ses glossateurs), почтеннѣйшій авторъ извѣщаетъ мнѣ благодарность за предпринимаемый мною трудъ, благосклонно присовокупляя, что вѣроятно въ Русскіе любители музыки одобрятъ мое намѣреніе.

«C'est une véritable dette que vous payez la, per poi tutti quanti, пишетъ Г. Улыбышевъ. Dieu vous accorde bonne chance! (Вы платите долгъ, сдѣланный весьма нами, т. е. музыкальными критиками и дилетантами. Богъ въ помощь!)»

Нынѣ, когда трудъ мой оконченъ, * я сознаю, къ крайнему моему сожалѣнію, что онъ далеко не оправдалъ надеждъ многоуважаемаго автора біографіи Моцарта. Не стану утверждать, принимая личную лицезрительную скромности, что рациональный разборъ столь замѣчательной оперы превращаетъ мои силы: въ такомъ случаѣ я бы за него не принимался; но признаюсь, что для художественной рецензіи необходимыя совершенное сосредоточеніе мыслей на разбираемый

* въ Свѣрной Пчелѣ напечатаны по сѣ время пять статей; остальные двѣ появятся въ скоромъ времени.

предметъ и нѣкоторое душевное спокойствіе, а ни того ни другаго, при вышшихъ обстоятельствахъ, не можетъ да и не должно быть у каждаго Русскаго, принимающаго живѣйшее участіе въ событіяхъ, касающихся до возлюбленнаго отечества. Однако же, не смотря на недостатки моего труда, я утѣшаюсь мыслію, что первый нашъ музыкальный критикъ, Г. Улыбышевъ, совершенно сошелся со мною въ главнѣйшихъ пунктахъ рецензіи, и въ мнѣніи касательно заслугъ М. И. Глинки въ лирико-драматическомъ искусствѣ.

Отрывокъ изъ первой главы неизданнаго сочиненія Г. Улыбышева, Beethoven et ses glossateurs. *

«Необычайный успѣхъ Фрейшюца (Вебера), въ Германіи, основанъ не на одномъ музыкальномъ достоинствѣ этого сценическаго произведенія, но преимущественно на томъ, что въ *Волшебномъ Стрѣлкѣ* олицетворена вся современная тогдашняя Германія, съ свойственными ей сельскими нравами, охотничьими обычаями и поэтическими преданіями, тѣсно связанными съ великими историческими событіями Тридцатилѣтней Войны. Достаточно было этихъ данныхъ, чтобъ и партитура, и самое даже сценическое представленіе Фрейшюца возбудили всеобщій восторгъ. Повсюду, даже и у насъ въ провинціальныхъ нашихъ городахъ, Волшебный Стрѣлокъ приобрѣлъ права гражданства, и сдѣлался любимой піеосою публики и доходною для антрепренеровъ. На театрахъ, въ которыхъ обучители былъ недостатокъ въ певцахъ и въ оркестрѣ (что за частую случается въ мелкихъ городахъ), Саміель и Сова играли главную роль, къ особенному удовольствію слушателей, или взрывъ сказать, зрителей. Въ образованомъ мирѣ лишь одна Италия не признавала Фрейшюца, по весьма простой причинѣ, что, какъ ни говори, а крайности не всегда встрѣчаются (Les extrêmes ne se touchent pas toujours), и что между Веберомъ и Россини (два антипода) неизмѣримая бездна, чрезъ которую большинство итальянцевъ никогда не рѣшатся переправиться.»

* Означенная глава, служащая введеніемъ къ новому сочиненію Г. Улыбышева, носитъ названіе «Краткій очеркъ общаго прогресса музыки въ теченіе перваго двадцатилѣтія XIX столѣтія.» Въ этой главѣ упомянуты имена композиторовъ и писателей сочиненій, которые способствовали тѣмъ либо къ успѣху музыки въ означенный періодъ времени, и тѣмъ заслужили быть внесенными въ исторію искусства. Число композиторовъ, отвѣчающихъ сему условию, по мнѣнію Г. Улыбышева, весьма ограниченное. Авторъ упоминаетъ лишь о Керубини, Мейюль, Бельльи, Спонтини, Россини и Веберѣ, и тутъ же помѣщаетъ имя Глинки. Хотя на музыкальное поврѣше соотечественникъ нашъ выступилъ десятью годами позже, но авторъ почитаетъ нужнымъ упомянуть о немъ, какъ о композиторѣ, который, гениальностью своею, оказалъ весьма важныя заслуги лирико-драматическому искусству.»

Въ Россіи же вдохновенная лира Вебера нашла живѣйшій отголосокъ. Вліянію ея мы обязаны возрожденіемъ у насъ лирико-драматической композиціи и музыкальной критики.

Юные наши композиторы почерпали во Фрейшюцѣ вдохновеніе, и первыя наши оперы, соединеніе лучшихъ представленій съ народными пѣснями (какъ напримѣръ, *Дзюпровская Русалка*), служили какъ бы вступленіемъ къ образцовому произведенію Глинки *Жизнь за Царя*. Опера эта, по искреннему нашему убѣжденію, одно изъ величайшихъ художественныхъ произведеній текущаго столѣтія, и заключаетъ въ себя видимый прогрессъ въ отношеніи къ композиціи сценической музыки.

Глинка не удовольствовался, подобно Веберу, соединеніемъ драматическаго пѣнія съ народными пѣснями, оставая каждому роду музыки принадлежащій ей характеръ: въ оперѣ *Жизнь за Царя* композиторъ твердо очертилъ двѣ различныя національности, сохранивъ въ мелодіяхъ постоянно то Русскій, то Польскій характеръ во время дѣйствія драмы, при самыхъ трогательныхъ и трагическихъ положеніяхъ. Задачу эту и полагалъ нерешенною въ то время, когда писалъ біографію Моцарта: М. И. Глинка рѣшилъ ее съ полнымъ успѣхомъ, и рѣшеніе это тѣмъ болѣе приноситъ чести его таланту, что предшествующихъ примѣровъ въ этомъ отношеніи у него вовсе не было.

Слѣдовательно въ *Жизни за Царя* есть истинное творчество, и авторъ этой оперы несомнѣнно долженъ быть признанъ человекомъ гениальнымъ.

Если бы М. И. Глинка пошелъ по стопамъ Вейгеля, слѣдуя примѣрамъ, показаннымъ этимъ композиторомъ въ оперѣ *Швейцарское Семейство*, то не достигъ бы замѣчательныхъ результатовъ, коими отличается опера *Жизнь за Царя*. Малаы средства, указанные Вейгелемъ, не соответствовали бы широкой артистической натурѣ нашего композитора и величественному сюжету, избранному имъ для своей оперы. *—Напротивъ, принявъ въ руководство самыя обширныя размѣры высшей композиціи, и доказавъ несомнѣнными познаніемъ въ контрапунктѣ и оркестраціи, присоединенными къ мелодическому вдохновенію, М. И. Глинка вполне остался вѣренъ Русскому характеру, и въ его оперѣ національная музыка впервые оказалась соответствующею величію Русскаго народа.»

Ростиславъ.

* Почтеннѣйшій Баронъ Розенъ не я одинъ, какъ видите, осмѣливаюсь предоставить Глинкѣ произволъ избрания имъ самаго сюжета оперы *Жизнь за Царя*.